Geinbikhner Nikolai
16.02.26

**DIALOGUE — The Architecture of Will**

I return once more to the question that inevitably arises whenever thought attempts to establish a relation with the Absolute: why does God, being perfect and omnipotent, not speak directly? Why does He not answer within reason itself — in human speech, in a familiar tongue, in an inner voice that could not be mistaken for anything else? Why does that voice not sound?

The question may be put more simply: why does God not project the answer directly into consciousness? Or — if He is able — why does He choose not to do so?

Once I encountered a thought articulated by Buckminster Fuller in Operating Manual for Spaceship Earth. Its essence is simple and yet unsettling: direct communication would deprive man of the necessity to seek. If answers are given immediately, reason does not develop. If truth is placed into the mind as a finished formula, the very movement of knowing disappears. Development requires indeterminacy.

This thought at once unfolds a whole constellation of tensions. If God prefers development rather than direct intervention, where then lies the boundary between what is permitted and that into which He nevertheless intervenes? And why, in observing the world, do we almost nowhere behold such intervention? We do not hear God's speech within ourselves. We perceive only indirect traces — events, collisions, coincidences, ruptures — in which a certain design is divined, yet never a direct utterance.

To proceed further, it is necessary to hold together two ultimate attributes of God — transcendence and immanence.

In His transcendence, God is an extra-objective being, self-subsistent, irreducible to any form. He is not an object, not a thing, not something that may be set before oneself. He is sheer incorporeality. In His immanence, He is all things, and all things are in Him. Every object is His emanation, His presence — yet never in absolute fullness. The Absolute God remains transcendent; within things He is present only relatively.

From this follows something essential: if every object already is a manifestation of God, He has no need of a special, privileged channel of self-revelation. Reason is not a chosen stage. God is not obliged to speak in consciousness, for consciousness is neither more nor less divine than any other fragment of being.

And yet, as a whole, He is in principle unknowable. He cannot be grasped in a single object, a single act, a single instrument. He cannot be reduced to a particular mode of presence. Thus He does not speak directly — not because He cannot, but because any «directly» would already be a limitation.

From here the next step emerges: no decision can be God's decision in the absolute sense. Every decision belongs to the particular — to a distinct mode, a distinct emanation. To man.

Man is the most integral of these emanations. In him, will and reason converge in their greatest fullness. Therefore every decision is possible only as a human one. Yet this does not mean that the human decision stands outside God. On the contrary: every authentic human decision is God's decision, enacted in the relative.

The Absolute God is unthinkable in the categories of subject and predicate. He is not «someone who does something». But the relative God — God in manifestation — possesses all attributes, including will, direction, even contradiction. And precisely in man does this manifestation attain its maximal completeness.

The transcendent God cannot manifest will directly. Were He to do so, He would cease to be transcendent and would become form, action, fact. He can only set will forth as potentiality. For its actualization He requires man.

Man is not an accidental bearer of the divine. He is a necessary instrument. Through him God manifests not fragmentarily, as in plant or beast, but integrally — with will, with choice, with responsibility. Therefore God needs man — not from lack, but from His own structure.

And thus it becomes clear: to await a direct dialogue with God is to misunderstand the very nature of dialogue. The dialogue already takes place, but not as it is expected. My own act of will is the divine providence in operation. Within reason there truly arises tension, question, resolution, the passage from potentiality to act. Yet this is not a conversation with something external. It is God's dialogue with Himself — the dialogue of the Absolute with the relative.

Geinbikhner Nikolai
16.02.26

In this dialogue God gives no answers. He poses questions. Man is both the one to whom they are addressed and the one who answers them. Were it otherwise, the roles would be reversed: man would become transcendent, and God immanent and manifest. But this cannot be.

God is cause, potentiality. Man is act, end, response. It is man who answers God's question, not the reverse.

This dialogue is essentially necessary. And yet there is a disquieting prospect: God may cease to ask questions of a particular man. If answers do not follow — if they are absent or persistently evasive — the causal bond is severed. Attention, energy, directedness shift elsewhere. And then the being of that particular man loses its necessity — not as punishment, but through superfluity.

From this follows a demand: man cannot refrain from answering. But he may answer incongruously.

There are two modes of non-answer. The first is inaction — when action is required but not performed. This is the state of inertia, of absent impulse. The second is action contrary to the original intention. Here impulse exists, yet it is realized against possibility. A conflict arises between capacity and striving.

The right answer is not merely action, but action proportionate to possibility.

For the dialogue to continue, the answer must exist, yet it must not conclude. It must prepare the next question, hold potentiality in tension, prolong the passage from possibility to actuality across the greatest possible distance. To complete action — yet to avoid final self-determination. To be ever approaching, yet never seizing; forming, yet never congealing into a final shape.

To act by necessity — yet not to become determined. To unite autonomy with necessity. It is precisely here that true harmony between capacity and striving arises.

In this sense, the presence of an answer and its rightness coincide. The right answer is that which exists, acts, yet does not close the horizon. A man who abides in such a state does not merely exist — he acts in accordance with the intentional being of the possibilities that have given rise to his condition.

And thus it becomes evident: man himself is the answer God awaits. The dialogue exists, yet it is not symmetrical. God asks the question. Man answers by his very being.

There is no final answer — just as there is no last question. As a master may fashion an ideal work while knowing that greater precision, a deeper resonance of form and purpose, still remains possible, so must man leave within himself a space for the next step.

Not to confine himself by self-definition. To remain in motion.

In this lies the dialogue with God.

## ДИАЛОГ — Архитектура Воли

Я снова возвращаюсь к вопросу, который неизбежно встаёт всякий раз, когда мысль пытается выстроить отношение с абсолютным: почему Бог, будучи совершенным и всемогущим, не говорит напрямую? Почему не отвечает в самом разуме — человеческой речью, знакомым языком, внутренним голосом, который нельзя было бы спутать ни с чем иным? Почему этот голос не звучит?

Можно задать вопрос проще: почему Бог не проецирует ответ непосредственно в сознание? Или — если он может — почему не решает этого делать?

Когда-то мне попалась мысль, сформулированная у Бакаминстера Фуллера в книге «Космический корабль Земля». Суть её проста и вместе с тем тревожна: прямое общение лишило бы человека необходимости искать. Если ответы даны сразу, разум не развивается. Если истина вложена в голову как готовая формула, исчезает само движение познания. Развитие требует неопределённости.

Эта идея сразу же раскрывает целый веер напряжений. Если Бог предпочитает развитие, а не прямое вмешательство, то где проходит граница между тем, что допускается, и тем, во что он всё же вмешивается? И почему, наблюдая мир, мы почти нигде не видим такого вмешательства? Мы не слышим речи Бога в себе. Мы видим лишь косвенные следы — события, столкновения, совпадения, разрывы, в которых угадывается некий замысел, но никогда не звучит прямое слово.

Чтобы продвинуться дальше, необходимо удержать два предельных свойства Бога — трансцендентность и имманентность.

Geinbikhner Nikolai
16.02.26

В своей трансцендентности Бог есть сущность внепредметная, самостоятельная, не сводимая ни к одной форме. Он — не объект, не вещь, не нечто, что можно поставить перед собой. Он — сама невещественность. В своей имманентности он есть всё, и всё есть в нём. Каждый предмет — его эманация, его присутствие, но не в абсолютной полноте. Абсолютный Бог остаётся трансцендентным; в вещах он присутствует лишь относительно.

Отсюда следует важное: если всякий предмет уже есть проявление Бога, ему не нужен особый, выделенный канал самоявления. Разум — не привилегированная сцена. Бог не обязан говорить в сознании, потому что сознание не более и не менее божественно, чем любой другой фрагмент бытия.

Но одновременно он принципиально непознаваем как целое. Его невозможно схватить в одном объекте, одном акте, одном инструменте. Он не может быть редуцирован к конкретному способу присутствия. Поэтому он не говорит напрямую — не потому, что не может, а потому, что любое «напрямую» уже было бы ограничением.

Отсюда вырастает следующий шаг: ни одно решение не может быть решением Бога в абсолютном смысле. Решение всегда принадлежит частному — отдельному модусу, отдельной эманации. Человеку.

Человек — наиболее целостная из этих эманаций. В нём воля и разум сходятся в наибольшей полноте. Поэтому всякое решение возможно только как человеческое. И всё же это не означает, что человеческое решение находится вне Бога. Напротив: всякое подлинное человеческое решение есть решение Бога, осуществлённое в относительном.

Абсолютный Бог немыслим в категориях субъекта и предиката. Он не «кто-то, делающий что-то». Но относительный Бог — Бог в проявлении — обладает всеми атрибутами, включая волю, направленность, даже противоречие. И именно в человеке это проявление достигает максимальной полноты.

Трансцендентный Бог не может проявлять волю напрямую. Если бы он это сделал, он перестал бы быть трансцендентным, стал бы формой, действием, фактом. Он может лишь задавать волю — как потенцию. Для её актуализации ему необходим человек.

Человек — не случайный носитель божественного. Он — необходимый инструмент. Через него Бог проявляется не фрагментарно, как в растении или животном, а целостно: с волей, выбором, ответственностью. Поэтому Бог нуждается в человеке — не из недостатка, а из собственной структуры.

И тогда становится ясно: ожидать прямого диалога с Богом — значит не понимать природы самого диалога. Диалог уже происходит, но не так, как его ожидают. Моё собственное волеизъявление и есть божественный промысел в действии. В разуме действительно возникает напряжение, вопрос, разрешение, переход от потенции к акту. Но это не разговор с чем-то внешним. Это диалог Бога с самим собой — диалог абсолютного с относительным.

В этом диалоге Бог не даёт ответов. Он задаёт вопросы. Человек — тот, кому они адресованы, и тот, кто на них отвечает. Если бы было иначе, роли поменялись бы местами: человек стал бы трансцендентным, а Бог — имманентным и проявленным. Но это невозможно.

Бог — причина, потенция. Человек — акт, цель, ответ. Именно человек отвечает на вопрос Бога, а не наоборот.

Этот диалог сущностно необходим. И всё же возможна тревожная перспектива: Бог может перестать задавать вопросы конкретному человеку. Если ответы не следуют, если они отсутствуют или систематически уклончивы, причинно-следственная связь обрывается. В этом случае внимание, энергия, обращённость смещаются к другим. И тогда бытие конкретного человека утрачивает необходимость — не по наказанию, а по избыточности.

Отсюда вытекает требование: человек не может не отвечать. Но он может отвечать несообразно.

Есть два способа неответа. Первый — бездействие. Когда действие требуется, но не совершается. Это состояние инертности, отсутствия побуждения. Второй — действие, противоречащее исходной интенции. Здесь побуждение есть, но реализуется оно вразрез с возможностью. Возникает конфликт между способностью и стремлением.

Правильный ответ — это не просто действие, а действие, соразмерное возможности.

Geinbikhner Nikolai
16.02.26

Чтобы диалог продолжался, ответ должен быть, но он не должен завершаться. Он должен подготавливать следующий вопрос, удерживать потенцию в напряжении, продлевать переход от возможности к акту на максимально возможной дистанции. Завершать действие — но избегать окончательного самоопределения. Быть всегда приближающимся, но не схватывающим; формирующимся, но не застывающим в финале.

Действовать по необходимости — но не становиться детерминированным. Сочетать автономию и необходимость. Именно в этом и возникает подлинная гармония между способностью и стремлением.

В этом смысле наличие ответа и его правильность совпадают. Правильный ответ — это тот, который существует, действует, но не закрывает горизонт. Человек, находящийся в таком состоянии, не просто существует — он действует сообразно интенциональному бытию возможностей, породивших его положение.

И тогда становится ясно: человек и есть тот ответ, которого ожидает Бог. Диалог есть, но он не зеркален. Бог задаёт вопрос. Человек отвечает собой.

Не существует финального ответа — так же как не существует последнего вопроса. Как мастер может создать идеальный предмет, зная при этом, что возможна ещё большая точность, ещё больший резонанс формы и цели, так и человек должен оставлять в себе место для шага вперёд.

Не ограничивать себя самоопределением. Оставаться в движении.

В этом и заключается диалог с Богом.